

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

В тихий осенний вечер, один из тех редких вечеров, когда сквозь красноватое облако смога, постоянно застилающего московское небо, вдруг робко и ненадолго пробивается свет Полярной звезды, а луна прозрачной перламутровой раковиной низко-низко висит над еще не включенными фонарями, Марина ехала в гости к Валерьяну.

Валерьяну было девятнадцать лет, и для своего возраста он был довольно-таки занятым человеком. Сутки через трое он сторожил частную автостоянку и по четыре вечера из каждых семи — во всяком случае, в теории — учился вечерне в Универсе на филологическом, изучал родной язык и литературу. От армии его надежно оберегал белый билет, хотя, в общем-то, и без билета любому дураку сразу было видно, что Валерьян псих.

Был он сутул, угловат, и у него слегка косил левый глаз, что, впрочем, выходило весьма симпатично. Кроме того, он слегка прихрамывал, но Марина никак не могла запомнить, на какую именно ногу. А еще он писал стихи.

Они познакомились на поэтическом вечере в Некрасовке, где Валерьян вместе с другими начинающими поэтами читал свои творения, а Марина слушала, стоя среди других пестро одетых и безвкусно накрашенных девиц, ничем особенно среди них не выделяясь.

Это был довольно-таки редкий случай, потому что в норме Марина косметики совершенно не употребляла, а

одевалась вот как сейчас — в узенькие синие джинсы и какой-нибудь свободный балахончик, желательно с капюшоном. В таком виде она ходила и в школу, и в кино, и в консерваторию, и даже на свидания.

Но в тот день ей все осточертело. Тот день был совершенно особенным — на рассвете Марина проводила в Шереметьево свою лучшую, можно сказать, единственную подругу Аню. С Аней они дружили с шести лет, с самого первого класса, вместе сидели за партой, ни разу не ссорились и почти никогда не расставались — ну разве что летом или когда кто-то из них болел. И вот теперь Аня уехала. Ее, как отличницу, послали на семестр по обмену в Америку. Это было совершенно невозможно себе представить, потому что всегда, всю жизнь, Аня была рядом, с ней всегда можно было перемигнуться, пошутить, на худой конец звякнуть ей по телефону, посоветоваться, как жить дальше. Не было случая, чтобы у Ани не нашлось на что-то ответа — своего собственного или взятого из книг.

Из-за Аниного отъезда весь тот день у Марины пошел наперекосяк. Ни в какую школу она, конечно, не пошла, хотя самолет улетал в шесть утра и на первый урок Марина успевала с запасом. Вместо этого она полдня проревела, уткнувшись в подушку, а вечером с мрачным видом явилась к матери в спальню и категорически потребовала косметичку. Мамину, конечно, своей-то у Марины отродясь не бывало.

Мама была даже рада: наконец-то ее Мариночка сделалась похожей на других девочек, ежедневно встречаемых мамой на улице. На Марине в тот день оказались черные лосины, черная мини-юбка и шелковая красная блузка, а на голову Марина вылила чуть ли не весь флакон маминых французских духов, так что ее длинные и темные, распущенные ради такого случая волосы благоухали на весь автобус, и люди, притиснутые к ней в давке,

вынуждены были зажимать носы. Марине казалось, что все на нее оглядываются (очень может быть, что так и было), она сутулилась и втягивала голову в плечи.

Поэтов в тот вечер выступало немного, человек пять-семь. Несли они, в основном, галиматью, от которой буквально уши у всех вяли. На этом фоне стихи Валерьяна выделялись необыкновенно. Сперва они показались Марине каким-то набором слов, еле связанных необычайным, завораживающим ритмом, но постепенно проступили какие-то мысли — неизвестно только о чем. Наизусть эти стихи не запоминались, только что услышанные строчки забывались мгновенно, но чувство, возникшее в Марине, пока Валерьян их читал, осталось потом с ней надолго.

Прочел он тогда довольно много, все тихим, каким-то как бы бесстрастным голосом. Марина слушала, и сперва ей казалось, что она ничего не понимает, потом вдруг как-то вышло, что что-то она все-таки поняла, вот только, кажется, не в стихах, а так, в себе, в жизни...

Такая вначале была тоска, по Ане, по всему, что с ней было связано, по тому времени, когда Аня была всегда рядом и, значит, под рукой всегда был ответ на любой вопрос. Такое было одиночество, брошенность и незащищенность, такая беспросветная мгла — и вдруг появился просвет! На душе от этих непонятных стихов сделалось вдруг так спокойно — этакий якорь спасения в непонятном и бурном житейском море. Человек, который пишет такие стихи, что-то должен наверняка понимать!

Когда все закончилось, слушатели рванулись на улицу — в еще теплую осеннюю ночь, но расхотеться сперва не стали. Люди стояли во дворе и в арке у выхода, сбивались тесными группками — все, похоже, между собой знакомые, не в первый раз на таких вечерах. Марина же про сегодняшний вечер узнала в школе, но никого из одноклассников видно не было, не было вообще ни одного знакомого лица. Марина стояла у стены, чувствуя себя

потерянной в этой совершенно чужой толпе. «И вот так теперь будет всегда, — с тоской думала Марина. — Ах, Анька, Анька, и зачем же ты уехала?» На мгновение возникла мысль, что вот если бы ей, Марине, предложили поехать куда-нибудь одной, без Ани, она бы тогда наверняка отказалась! Но ей тут же сделалось стыдно.

Марина в очередной раз тоскливо огляделась и увидела совсем рядом, у той же самой стены, в двух шагах от себя, того единственного понравившегося ей поэта. Он тоже стоял один и курил, пуская кольцами дым. Такие у него получались смешные колечки, этакие бараньи завитушки — серенькие, какие бывают у романовских овец. Марина смотрела на них, смотрела и внезапно рассмеялась. Так эти завитушки не увязывались со всей ее сегодняшней тоской, так выделялись, просто как из другой жизни! А Валерьян, услышав ее смех, поднял голову, посмотрел сначала сурово, обидчиво — что, мол, тут за смешки такие, уж не над ним ли, часом, смеются, но, встретив ясный, простодушный Маринин взгляд, не выдержал и сам расхохотался. Однако тут же вновь сдвинул брови и с притворной строгостью спросил:

— Может, вы все-таки расскажете, что вы нашли во мне такого смешного?

Марина от смеха прямо-таки согнулась пополам. Однако нельзя же так, надо же было хоть что-нибудь ответить! И Марина, собравшись с силами, больно, изо всей мочи ущипнув себя за руку, чтобы не смеяться, с трудом выговорила:

— Колечки! Колечки, понимаете?

— Какие колечки? — не разобрал он поначалу. Но, сообразив наконец, в чем дело, слегка смутился.

— Привычка у меня такая. А что, в самом деле очень смешно выходит? — неожиданно забеспокоился он.

— Да нет же! Просто у меня настроение сегодня такое дурацкое. — Марина как-то сразу угасла. Ей снова

вспомнилось утро в аэропорту, долгая одинокая дорога домой.

— Эй, девушка! — шутливо окликнул он ее. — Что-то вы погрустнели. Не сотворить ли вам еще пару колечек?

— Пожалуйста! — с неожиданным жаром отозвалась Марина. — Только, если можно, давайте уж сразу целую сотню, а то два колечка — они, знаете ли, слишком быстро растают!

— Ну что ж, сотню так сотню, мне не жалко. А у вас хватит времени на сто колечек? Ведь на это, поди, весь вечер уйдет.

— Времени у меня сколько угодно, — храбро солгала Марина. Мама ждала ее самое позднее через полчаса. Но в конце концов, не она ли всегда говорит, что Марине пора наконец повзрослеть? Правда, было тут и еще одно, немаловажное когда-то обстоятельство: Марина прекрасно знала, что Аня бы ее поведение не одобрила. Но какая, собственно, разница? Все равно Аня теперь далеко.

— Если вы не возражаете, — говорил тем временем Валерьян, — мы могли бы поехать ко мне домой.

— Не возражаю, — важно ответила Марина. Но не выдержала и снова прыснула.

]

Ехать оказалось довольно долго. Марина прикинула, что от ее дома это прямо противоположный конец Москвы.

Валерьян жил на пятом этаже маленькой пятиэтажной хрущевки. Пока по лестнице заберешься — запыхаешься! В какой-то момент Марину стало ужасно волновать, что от таких физических усилий у нее теперь наверняка заблестит нос. Но эта мысль, едва возникнув, тут же исчезла, сметенная вихрем совсем других

переживаний. Ведь она в первый раз в жизни идет вот так в гости к незнакомому человеку!

Небольшая двухкомнатная квартира, в которой оказалась Марина, поразила ее неухоженностью и явным неуютом. Ключья обоев свисали со стен, потолки были грязно-серые, все в потеках и пятнах, паркетный пол под ногами рассыпался на отдельные паркетины.

— Послушайте! — не выдержала она наконец. — Вы что, один тут живете?

— С бабушкой, — отозвался поэт, который, в три погибели согнувшись, безуспешно пытался нашарить для Марины тапочки. — А, да ладно! — махнул он рукой. — Так проходите. Все равно тут полы бог знает сколько не мыли.

«Да тут и от полов-то скоро ничего не останется», — мысленно добавила Марина, совершенно потрясенная всем увиденным, но вслух ничего не сказала. А она-то думала, что поэты творят в исключительно уютной, эстетически облагороженной обстановке! Впрочем, может, он здесь только живет, а творит где-нибудь в другом месте? На бульвар, например, выходит? Какой тут бульвар должен быть рядом? Кажется, Симферопольский? Марина бывала однажды в этих краях, когда двоюродный брат, прежде ни разу не виденный, приезжал в гости из Америки. Он тогда останавливался где-то поблизости, у других каких-то родственников.

Из кухни выглянула старушка в засаленном халате и неопределенного цвета шлепанцах на босу ногу.

— Валечка пришел! — обрадованно гаркнула она, да так громко, что Марина невольно прикрыла руками уши. — А я уж знаю, у меня уж чаек вскипячен! — радостно громыхала старушка.

— Бабуль, потише, — поморщился Валерьян.

— Как чувствую-то себя? Да получше уже, получше. С утра сердце вроде бы кололо, так я валидолу под язык положила, и с тех пор как огурчик!

— Зелененький... — обреченно прошептал Валерьян и махнул Марине рукой, увлекая ее за собой дальше по коридору. Марина быстро прошла за ним следом, причем у нее сложилось полное впечатление, что эта старушка ее даже не заметила. Что она, к тому же слепая, что ли?

— Внучек, а что ж чаек-то? — прогрохотало им вслед.

— Бабуль, я в комнате у себя попою! — дико проорал Валерьян, и старушка, по-видимому расслышав, затихла.

После прихожей комната Валерьяна производила впечатление некоего оазиса. Широкая тахта была накрыта пыльным зеленоватым покрывалом, письменный стол у окна весь завален книгами и конспектами в засаленных, без обложек, тетрадках. На столе стояла лампа с прозрачным зеленым абажуром, не выключенная, похоже, еще со вчера. В дверном проеме виднелась потемневшая от времени круглая деревяшка турника. На стенах было множество книжных полок. Над тахтой висела картина, написанная яркой киноварью: странного вида кирпичный дом, пламенеющий в зареве заката, какой-то на удивление непропорциональный дом, правое крыло заметно меньше и ниже левого, под косыми окнами — заросли высокой, почти до середины стекол, острой рыжей травы, на коньке крыши не то флюгер, не то живой журавль, весь тоже какой-то изломанный.

Самыми уютными в Валерьяновой комнате были оконные рамы и подоконник. Выкрашенные темно-коричневой масляной краской, они издали казались некрашеным деревом.

Люстра, вспыхнувшая под потолком, представляла собой старомодную плоскую тарелку, белую, в крупную серую сеточку. Сквозь сеточку проглядывали неопределенных очертаний красные цветы — не то розы, не то гвоздики. С люстры свисал одинокий пыльный пластмассовый самолетик.

Обои в комнате были выгоревшие, когда-то, наверное, коричневые, в едва заметный серо-желтый цветочек.

— Присаживайтесь на тахту, почувствуйте себя как дома, а я пока за чаем сбегаю, ладошки? — суетился Валерьян.

— Может, вам чем-нибудь помочь?

— Ну что вы, что вы, я сам! — Валерьян даже, кажется, слегка испугался. — Да я быстро!

И он стремглав выскочил за дверь. Впечатление было, что он смущен не меньше самой Марины, но изо всех сил старается этого не показывать.

— Ну вот, — сказал Валерьян, появляясь минут через десять с пластиковым подносом, на котором стояли две большие, в прошлом белые фарфоровые кружки, маленький чайник для заварки с отбитой ручкой и круглая деревянная сахарница. Чуть в сторонке лежала початая коробка шоколадных конфет-ассорти.

— Угощайтесь! И давайте, может быть, наконец познакомимся, а то как меня зовут, вы, наверное, знаете, а вот как вас?..

— Меня зовут Марина, — сказала Марина и храбро пригубила чай. Изнутри чашка оказалась совершенно бурой.

— Марина, а можно на «ты»? А то как-то неудобно.

— Конечно, пожалуйста! — Марина даже рассмеялась. Ей вообще это казалось странным и непривычным. И как это могло кому-то прийти в голову ее, Марину, на «вы» называть?

Некоторое время они молча пили чай, уткнувшись каждый в свою чашку и ощущая некую взаимную неловкость. Потом Марина набралась храбрости и задала-таки вопрос, мучивший ее с тех самых пор, как они пришли:

— А где ваши... я хочу сказать, твои родители? Они что, отдельно живут?